

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В РАССКАЗЕ А.Н.ТОЛСТОГО «УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ»

С.М.Червоненко

ARTISTIC TIME AND SPACE IN A.N.TOLSTOY'S STORY "SOOTHE MY SORROWS"

S.M.Chervonenko

Московский государственный областной университет, sm1705@mail.ru

Анализируется один из мало известных, но ярких, глубоких по своей проблематике рассказов А.Н.Толстого «Утоли моя печали». Выделены особенности композиции, поэтика создания характеров и раскрытия психологических ситуаций, проанализирована повествовательная структура произведения, специфика художественного времени и пространства. Религиозно-философские вопросы соотнесены с поэзией деревенской жизни, простого быта, искренней любви.

Ключевые слова: художественное время, пространство, знание, любовь, персонаж, древность, библейские праистoki

The article analyzes one of the less known, but bright, deep in the areas of expertise A.N.Tolstoy's stories "Soothe my sorrows". It is highlighted the features of composition, the poetics of the creation of the characters and the disclosure of psychological situations, and analyzed the narrative structure of the work, the specificity of artistic time and space. Religious and philosophical questions associated with the poetry of country life, simple life, sincere love.

Keywords: artistic time, space, knowledge, love, character, antiquity, biblical origins

«Утоли моя печали» (1915) А.Н.Толстого, как отмечал В.Р.Щербина, — произведение, которое исполнено «страстным протестом против модных декадентских течений» [1, с. 35]. Писатель через описание конкретной ситуации соединяет несколько пластов бытия — исторического и временного, — уходящего корнями в библейские праистoki.

Рассказ строится как очерк в форме письма к другу о поездке столичного жителя, петербуржца, в деревню. Отправляя своего героя в глухое село, автор сталкивает два понимания жизни. Простота и бедность, среди которых живут сельчане, поначалу кажутся дикостью, примитивом. Но, вспоминая о высших слоях интеллигенции, общество которых оставил, приезжий журналист приходит к выводу, что цивилизованный человек относится к людям, по определению Т.Т.Веселовского, «уродующим чужую жизнь, губящим лучшие человеческие порывы, скрывающим за внешней культурностью инстинкты зверя» [2, с. 35].

Герой-повествователь является представителем петроградского общества, насыщенного «беседками, борьбой кружков» [3, с. 424], где царит Петроний и любят «искусство с отчаянием» [3, с. 424]. Там отгораживаются от мира простых людей, которые не помнят ни строчки Пушкина и «пожирают пирожки» [3, с. 424]. Изломанный эстет предпочитает не замечать окружающих его простолудинов, закрывается от них носовым платком, подобно персонажу «Сатирикона». Яркая деталь позволяет нам сделать вывод, что, гонясь за якобы высоким знанием, человек пренебрегает подлинно высокими чувствами.

Автор письма едет в глухое, заброшенное село Кожухи. Оно весьма отдалено от станции и города, в нем царят мир и покой, столь редкие в жизни людей XX и тем более XXI века. Описание старинного барского дома с колоннами, заросшего бурьяном, школы — «четырёхэтажного ветхого домика с поломанными украшениями и деревянными столбиками», бывшего когда-то «Монплезиром» сада, переносит нас в XIX столетие. Описания даются в гоголевской манере:

«крыша на дому — красная, заколоченные наверху окна, обвалившаяся местами штукатурка» [3, с. 425], плавающие «в топленом молоке муха и ложка», «мохноногая курица, глядящая с любопытством и пониманием», на плетне «ижицей висят штаны из чертовой кожи», а «на колу торчит продранный валенок на страх воробьям» [3, с. 427]. Колоритны образы ямщика — в меховой шапке в летний зной, — обворожительной юной барышни «в ситцевом платье горошком» [3, с. 425], и, конечно же, дьячка Филимоныча.

Особое символическое значение для повествования имеет описание шатровой церкви XV столетия, славившейся древними фресками, ради которых, собственно, и приехал горожанин. Состояние внутреннего интерьера (затянутые паутиной окошки, пятна сырости, да копоть) [3, с. 429] намекает на духовную леность прихожан, не радеющих о своем храме. Но истинное и неувядающее содержание церкви хранится в ней вопреки разрушительным веяниям. Сохранившиеся в левом притворе «на широкой и плоской колонне, уходящей в сумрак под купол, <...> древние фрески» [3, с. 429] становятся символом уцелевшей памяти о вере, носителями которой были далекие предки: фигуры воинов, «сражающихся на конях <...> в кольчугах, с длинными копьями; над ними — хор монахов со свитками» [3, с. 429].

Взору героя-повествователя, а вслед за ним и читателю, открываются райское древо и прародители Адам и Ева. Автор с юмором изображает первых из людей, пошедших путем греха: подобно современникам повествователя, они воспринимаются как «изнуренные познанием добра и зла» [3, с. 429]. Казалось бы, человек стремится к знаниям — что здесь плохого? Но безудержная погоня за знаниями и впечатлениями уводит от самой истины, отрывая от истоков, от той «древности», которую жаждет обнаружить герой и его друзья по светским кружкам. А.Н.Толстой постепенно, через непосредственно воспринятые детали и пейзажные зарисовки, подводит столичного журналиста к главным вопросам.

В тихом, окруженном безбрежными полями ржи, маленьком «глухом» селе на глазах столичного аристократа развертывается любовный «роман» между учителем Соломиным и юной барышней Верой Ивановой. Филимоныча огорчает, что молодые люди проявляют по отношению друг к другу строптивость и холодность: «чистые оба козероги», — с сокрушением думает заботливый дьячок. Но все это происходит из-за глубокого чувства застенчивости, неискренности в светской манере ухаживания, поэтому учитель то грабли унесет, то семенной каталог, ища повод лишний раз увидеть свою возлюбленную. Кажется, все старания Филимоныча соединить непрактичных молодых людей и его переживания по этому поводу напрасны.

Именно в этом тихом, забытом уголке встречается повествователь чистое, искреннее чувство любви, завещанной Божественными законами. Благословение Свыше угадывается, когда влюбленные приходят в храм.

Носителем исконных традиций, несомненно,

является добродушный Филимоныч, напоминающий нам гоголевского дьячка из «Ночи перед Рождеством». Но если Н.В.Гоголь изображает своего героя в юмористических тонах, то А.Н.Толстой — только с нежностью и любовью, без насмешки. Вся его маленькая фигурка «в выцветшем подряснике, без шляпы» [3, с. 426], с «единственным желтым зубом» [3, с. 431] и «остроносеньким красным личиком» [3, с. 426], выражает благодушие и умиление. За внешней угловатостью манер и стыдливостью скрывается любящая душа. Свет Божественной любви Филимоныч сумел пронести через всю жизнь, и эта любовь не оставляет его равнодушным к ближним с их трогательными и драматическими переживаниями.

На последних страницах рассказа заявляет о себе образ покойного отца Веры Ивановны — толстовского «чудака», шутливый и рассеянный человек, который мечтал о тихой, спокойной жизни где-нибудь в старом и тихом городке на берегу моря. Туда «старые корабли приплывают с товарами, никто не торопится их разгружать», там «люди умирают спокойно, без боли» [3, с. 432]. В этих словах уже умершего отца выражен положительный идеал и самого автора, призывающего читателей остановиться, не бежать за призрачными ценностями, не суетиться в бесконечной погоне за новыми успехами.

Стоит более подробно остановиться на образе учителя, «светловолосом юноше, с суровыми очертаниями лба, прямыми бровями мечтательно холодных глаз» [3, с. 426-427], который тонко чувствует и глубоко понимает жизнь, да и суть современного искусства. Ему чужды резкие и порой бессмысленные высказывания в статьях модных журналов, написанных для простой «мелкоты», обывателя [3, с. 427], за которого авторы принимают и его, и дьячка, и многих других, порой умных и талантливых людей. Ведь «я-то и есть настоящий читатель, про кого пишут и для кого пишут» [3, с. 427], — рассуждает Соломин. Истолкование искренних, нежных, чистых чувств как инстинктов, животных страстей, ему не понятны. «Сам ты — зверь, жена твоя — самка, а любовь — инстинкт» [3, с. 427], — цитирует он высказывание одного из таких журналов. Автор другой статьи прямо звал к самоубийству, отрицая тем самым главный божественный дар, жизнь: «все равно ни до чего хорошего не доживешь, пускай пулю в лоб» [3, с. 427]. «<...> Неужели я не более чем случайное явление, вроде мухи, ничего не стою?» — вопрошает Соломин. — «Подумаешь так, поглядишь на рожь, да и закинешь книжку через забор» [3, с. 427].

Автор на контрасте изображает мир главных героев, стремясь обратить наше внимание на образ хлебного поля, которое защищает старое село Кожухи от порочного, искусственного существования города. Всё повествование наполнено «медовым сухим запахом» ржи, которая «начиналась прямо от школьного плетня и залегала на много верст» [3, с. 426]. Герою кажется, что «высокая рожь поднимается уже за окном, обступила избушку, сквозь щели в полу вырастают колосья, и мягкая повилика с белыми и розовыми зонтиками опутывает меня, и душно от медового запаха, и нет во мне сил разорвать, страх-

нуть с себя это очарование» [3, с. 432]. Пейзаж, открывающийся взору, с белой церковью «Утоли моя печали», создает целостную картину вневременного мира. Этой же цели служит сравнение тонких березок с райским деревом, потому что природный мир органично принадлежит Божественному творению.

Атмосфера красоты и благодати способствует полному перерождению героя-журналиста. Он «радо-стно и очень грустно <...> глядит через пыльное окошко» [3, с. 431] своих ошибочных представлений, и Петроний, в конце концов, кажется ему только скептиком. Герой сознаётся: «В первый раз я почувствовал, дорогой друг, что мне скучно и не хочется возвращаться к нашим фрескам, спорам, журналам и что все фрески, споры и журналы я бы променял на одно только слово, которое скажет сегодня Вера Ивановна учителю, где-то во ржи» [3, с. 434]. Сделав эту фразу финальной, Толстой акцентирует внимание на подлинной ценности любви. Над всем земным у писателя — образ храма Пресвятой Богородицы, утоляющей печали всех скорбящих, обиженных, страждущих, здесь самый необходимый ответ на «больные» вопросы любого времени. Созерцание возвышенной и чистой любви приводит героя-рассказчика к пониманию ложности и порочности псевдокультуры, которая обречена на исчезновение.

Обратим внимание на то, что Толстой выбирает для повествования форму письма, которое пишет

своему другу герой-журналист. Текст приобретает лирико-публицистический характер. Автор почти проповеднически дает понять читателю, что нельзя подменять истинные ценности искусственными, надуманными, забывать о главном, о том, что «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17: 21).

Тема любви в литературном наследии А.Н.Толстого занимает центральное место на протяжении всего его творческого пути. Писатель с необычайной деликатностью и мастерством показывает ее преобразующую силу, пронизывающую весь рассказ, одноименный одному из самых лирических названий икон Пресвятой Богородицы.

-
1. Щербина В.Р. А.Н.Толстой: Творческий путь. М.: Советский писатель, 1956. 620 с.
 2. Веселовский Т.Т. Творчество А.Н.Толстого: Пособие для учителей. Л., 1958. 212 с.
 3. Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1986.

References

1. Shcherbina V.R. A.N.Tolstoy: Tvorcheskiy put' [A.N. Tolstoy's career as a writer]. Moscow, 1956. 620 p.
2. Veselovskiy T.T. Tvorchestvo A.N.Tolstogo: Posobie dlya uchiteley [A.N.Tolstoy's creative works]. Leningrad, 1958. 212 p.
3. Tolstoy A.N. Coll. of works in 10 vols, vol. 2. Moscow, 1986.